

Полгода назад ушёл из жизни Владимир Данилович Попов, умелый управленец, талантливый публицист, член Редакционного совета журнала “Наш современник”. О Владимире Попове вспоминает его друг, журналист Валерий Бадов.

ВАЛЕРИЙ БАДОВ

ВОЛЬНЫЙ ПОТОМОК КАЗАЦКОГО РОДА ПРОТИВ “ОРДЕНА СТОЛОНАЧАЛЬНИКОВ”

“И вся ещё не прожитая жизнь...” — суровая, откровенная книга-исповедь незаурядного, дерзкого, умелого управленца из невестребованного поколения...

...Сборник памфлетов “Последние из великороссов? Мысли о немыслимом” вышел в свет в издательстве “Вече” в 2003 году — нежданное вторжение в отечественную публицистику топ-менеджера из сферы большого бизнеса Владимира Даниловича Попова.

В узком кругу топ-менеджеров большого бизнеса поступок Владимира Попова по умолчанию сочли вызывающим и безрассудным. И не столько задевало за живое инакомыслие автора, сколько его безоглядное решение пожертвовать завидной успешной карьерой, положением в “приличном” обществе.

Помилуйте, чего ради? Сомнительной славы сочинителя-вольнодумца, провидца, насмешника, который красного словца ради... и проч. Несолідно... Разве что Салтыков-Щедрин до того, как пристать к писательской братии, служил в чине вице-губернатора в Вятке. Но то когда ещё было, господа-товарищи...

Зачем преуспевающему топ-менеджеру крупной нефтегазовой компании, никоим боком не причастному к политической сутолоке и партийным распрям, ночами просиживать над чистым листом бумаги, вынашивая страницу за страницей полемические статьи и памфлеты на злобу дня?

Искомый ответ, иносказательный, содержится в третьей по счёту книге Владимира Попова “Косово поле великороссов”. Речь идёт про старинную конфуцианскую заповедь: “Разве можно назвать человеком того, кто, затаив за пазухой драгоценность, безучастно следит, как его страна сбивается с пути”.

Вот этим всё и сказано. Причина волевого решения уйти без оглядки из большого бизнеса — нравственная.

Что и говорить, было чем жертвовать. Карьера — в зените. Репутация отменного кризисного менеджера. Ранг старшего вице-президента корпорации

“Итера”, второй после Газпрома на газовом рынке. Владимир Попов — таково было условие его контракта — отвечал за весь бизнес корпорации в Российской Федерации. Под жёсткой его рукой — 1,5 миллиарда долларов годового финансового оборота. И дела шли в гору... Решение Попова об отставке — как гром среди ясного неба.

Однако, даже покинув ключевую позицию старшего вице-президента, Данилыч, как называли его друзья и соратники, не отрешился от дел. И в новом качестве советника президента и собственника “Итеры” Игоря Макарова завершил все начатые им бизнес-проекты.

В кругу менеджмента “Итеры” к ошеломительному его уходу из компании отнеслись по-разному. Одни — с сожалением, горечью, другие — чуть ли не с ликованием...

Вслед за Поповым поочередно покинули “Итеру” опытные управленцы. Сплочённая команда, с которой он, лидер, выстраивал заново системный, прозрачный, отсекающий коррупционные проделки, вывод больших сумм на сторону стратегический менеджмент. Мало кто знает, что в корпорациях частного бизнеса воровство и “серые” схемы практикуют никак не меньше, чем в госкорпорациях. После ухода Попова из “Итеры” вся честная компания воспрянула.

...Предчувствие, что отныне закат “Итеры” не так уж и далёк, возникло у многих сведущих людей.

Невесёлое Рождество в Гере

Прежде чем продолжить рассказывать, какими судьбами корпоративный финансист с годами перевоплотился в известного публициста, автора шести книг, памфлетов, очерков, философских эссе, удостоенных премии Союза писателей России, придётся вернуться на целых четверть века назад. В старинный немецкий город Гера, в атмосферу весёлого карнавального Рождества на улицах.

Поздно вечером в пивном погребе у ратуши за настоящим “Пльзеньским” собралась мужская компания.

Прямо напротив меня — второй секретарь посольства СССР в ГДР. Вид у него вполне респектабельный. Но ни капли вышколенности, присущей частным к дипломатическому корпусу. Про таких жизнелюбов обычно говорят “искроглазый”. В безупречно интеллигентном облике проглядывало неуловимо казацкое происхождение. Угадал! При знакомстве оказалось, что Владимир Данилович — сибиряк, но все его предки, до седьмого колена, родом из хутора Попов возле станицы Вешенская.

В городе Гера пути наши сошлись по случаю традиционного фестиваля Союза Свободной немецкой молодёжи и Ленинского комсомола. Праздновали широко, весело, с задором... Празднества, манифестации в Берлине, Лейпциге, Саксонии... Но в тени мажорной атмосферы фестиваля настроения были не радужные. С немецкой стороны в дискуссии высказывалось, недомолвки, а то и в открытую, запальчивое неприятие нежданной идеологической метаморфозы в Москве. Перестройка, гласность, плюрализм... Тиражирование в “Московских новостях”, которые рвали из рук, самиздатовских антисоветских опусов... Вся эта эйфория гласности ничего, кроме горькой усмешки, у коллег-журналистов немецких молодёжных изданий не вызвала.

Нас попрекали: “Разве не кажется вам, камрады, что горбачёвское “новое мышление” всего лишь ремейк злосчастной “Пражской весны”? Чешские товарищи ведь тоже начинали со здравниц “социализму с человеческим лицом”, а скатились к махровому антикоммунизму”.

“Окстись, Клаус!” — на моё восклицание немец только махнул рукой.

В Москве настроения были совсем иные. На Этаже, как на нашем редакционном сленге называли редакцию “Комсомольской правды”, самые смелые тексты ставились на полосу “с колёс”. Воодушевление было всеобщим. Даже стреляные воробьи, заставшие ещё хрущёвскую оттепель, дивились смелости и задуховности вновь избранного Генерального секретаря. “Новое мышление” у всех было на слуху, хотя что это за “философский камень”, оставалось неведомым. А в ГДР, на непосредственном идеологическом рубеже противостояния с Западом, утвердился тот самый исконный, немецкий социалистический *орднунг*. Ревизионистам негде разгуляться. А главное — в Республике воспиталось не одно поколение, преданное идеалам социализма.

Ходила молва, что в окружении Эриха Хоннекера перестройку “не праздновали”. И подозревали будущего “лучшего немца” в предательстве, намерении сделать ГДР разменной монетой в торге с Западом. Не ровён час, Германская Демократическая Республика — твёрдый замковый камень всего Варшавского договора — исчезнет с политической карты Европы.

Что и говорить, на душе скребли кошки. Быть может, не зря всполошились товарищи в Берлине?

Все эти смутные толки и пересуды, казалось, находили опровержение в радостной, оптимистичной дружеской атмосфере фестиваля. Верилось, что всё ещё образуется... В тот вечер под Рождество мы разговорились с моим новым знакомцем. Слово за слово, подступились к теме глухой размолвки между Старой площадью и Александер-Плац. А я про себя подумал: ну да, так и скажет дипломат правду-матку. И немало был удивлён, когда услышал в ответ откровенное и обескураживающее: “Всё, что мы в дни фестиваля видим, считай, в последний раз!” Коротко и недвусмысленно, с холодной, спокойной интонацией, присущей людям пытливым, самостоятельного образа мыслей. Признаться, я не поверил, но призадумался. Посыл ледяной реал-политик?

Перед самым возвращением в Москву, в фойе отеля “Штат Берлин” меня ухватил за локоть разгорячённый политэмигрант из Чили. Из его гневной филиппики по-испански, с нотками отчаяния, разобрал смысл только двух слов:

— Crazy Gorbachev!

Владимир Данилович оказался провидцем. Вот как он описывает драматическое развитие событий после падения Берлинской стены: “24 октября Эгон Кренц возглавил Госсовет ГДР. Первого ноября прибыл в Москву на встречу с Михаилом Горбачёвым, который будет ему лгать, глядя в глаза, что для него вопрос объединения (Германии) не стоит в повестке дня. На самом деле между ним и Гельмутом Колем была уже достигнута договорённость, что СССР не будет вмешиваться в процесс поглощения ГДР. Эгон Кренц располагал достоверной информацией о той потаённой договорённости. Разведка ГДР была одной из самых сильных в мире”.

Встреча на Севастопольском

Судьба так распорядилась, что повторное знакомство с Владимиром Даниловичем произошло через целую прорву лет — на верхнем этаже высотки на Севастопольском проспекте, в столовой компании “Итера”. Академик Фарман Салманов, легендарный первооткрыватель тюменской нефти, представил меня своему близкому товарищу — старшему вице-президенту “Итеры” Владимиру Попову. И надо же! Мы не опознали друг друга!

Однако почти с полуслова поняли, что в одинаковой мере не празднуем торжество “дикого” капитализма” в бывшей свехдержаве. Редко, когда случается такое совпадение мировоззрений в наше время, когда кто в лес, кто по дрова. Бывшие сусловские ревнители марксизма-ленинизма ныне подвизаются в Высшей школе экономики — миссионерском заведении Запада.

С Владимиром Даниловичем мы крепко подружились. С годами у нас сложилось на редкость ладное творческое содружество. “Ну, чисто Ильф и Петров!” — подтрунивали знакомые.

Вместе с депутатом Европарламента, известным итальянским публицистом Джульетто Кьезой, мы втроём задумали и издали книгу — стенограмму диалогов “Европа и Россия в сумерках капитализма”. Главы из неё напечатали газета “Советская Россия” и журнал “Наш современник”. В дни выхода тиража в августе 2008 года разразился мировой экономический кризис. Его-то трое авторов, как на грех, “напророчили”. Вместо эпиграфа на первой странице — курсивом вешее предвидение “отца социологии” Питирима Сорокина: “Построенный западным человеком за предыдущие столетия величественный социокультурный дом рухнет. Его падение сметёт договорную демократию, договорной капитализм вкупе с частной собственностью и договорное общество свободных людей”. Суровое предвидение Питирима Сорокина датировано пятидесятью годами прошлого столетия. “Золотой век” Америки, начало экономического “чуда” Германии и Италии. Ничто не предвещало, казалось бы, “сумерек договорного капитализма”. Всё, что так метко предвосхитили интуиция и социологический дар Сорокина, участника Февральской революции 17-го года, пришлось как раз на время, которое мы и Запад переживаем ныне.

У памятника героям Плевны

...Срок командировки в ГДР завершался. Посол Вячеслав Иванович Комечасов твёрдо поддержал решение Владимира Попова вместо Дипломатической академии поступить в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС.

“Годы работы в ГДР были насыщенными, расширили кругозор, понимание картины мира, — вспоминает В. Попов. — Исколесил Республику вдоль и поперёк. Встречался с вузовской интеллигенцией. Штудировал выходящие в Федеративной Республике аналитические работы о перспективах развития отношений двух германских государств. Закрытой информацией делились работавшие в штате посольства люди с Лубянки. Пришёл к неутешительному выводу, что будущего у ГДР нет, если догматичное руководство СЕПГ не изменит парадигму политики...” Восточная политика канцлера Брандта, признание ГДР и границы по Одере-Нейсе, которые так обнадежили Старую площадь, на поверку, — “игра в долгую”. Латентная цель, твёрдо был уверен инакомыслящий секретарь посольства Владимир Попов, — постепенное поглощение ГДР.

Жёсткие аналитические выкладки Попова резко противоречили официальной линии МИДа. Но это его ничуть не беспокоило. Карьерным дипломатом он себя не ощущал.

“...Владимир, то, что ты написал, чудовищно смело, но мыслишь правильно”, — сказал Рудольф Яковлевич Яновский, ректор Академии общественных наук. Откровенный разговор касался аналитической записки В. Попова о подноготной отношений ГДР и ФРГ. “Почти готовая кандидатская диссертация”, — отозвались о реферате на кафедре Академии.

Как ни старались здешние ортодоксы, им не удалось, благодаря полемическому дару Попова, уличить его в “ревизионизме” и завалить защиту кандидатской диссертации.

...И всё же с Академией пришлось распрощаться. В 1989 году позвали работать в Комиссию по экономической реформе Совмина СССР, на вакантную должность заведующего сектором. В деятельность Комиссии вовлечены были ведущие ученые-экономисты Академии наук, специалисты и эксперты Госплана, союзных министерств. Основательно, без догматических шор, в полемическом настрое рождалась развёрнутая долгосрочная стратегия перехода от “директивной” к гибкой планово-рыночной модели экономики.

“Все мы сознавали огромную опасность псевдорыночного экстремизма”, — подмечает В. Попов в восьмой главе своего повествования о былом. — “Концерты экономистов” собирали толпы...”

И в самой Комиссии жёстко противостояли друг другу разные подходы к реформированию народного хозяйства. Группа Ясина, Явлинского, Алексашенко держалось особняком. Не мудрствуя лукаво, они взяли себе за основу хваленую “шокотерапию” поляка Бальцеровича. На поверку это была лишь ученическая копия Вашингтонского консенсуса. Ярые демагоги-“рыночники” сочинили подражательную утопическую программу “500 дней”. Её взахлёб хвалили в печати и на телевидении. Это был яркий образчик авантюрного ненаучного подхода.

“Наша группа стояла на том, чтобы органически соединить рыночные и плановые регуляторы преобразования экономического уклада, — повествует В. Попов. — “Лоция” постепенного системного перехода к многоукладной экономике была уже полностью готова. Премьер Николай Рыжков и его заместитель академик Леонид Абалкин поручились за неё всем своим авторитетом”. Тем временем явлинские и ясины воспользовались негласной поддержкой “архитектора перестройки” — “златоуста” Александра Яковлева. Завязалась тёмная политическая интрига, в которую вовлечены были Горбачёв и Ельцин. Эти два хитрована на людях, в публичных выступлениях представляли непримиримыми противниками. Просто на дух друг друга не выносили... Однако в самый решающий момент Горбачёв, с присущим ему вероломством, предал Николая Рыжкова. И одним махом пустил по ветру весь труд совминовской Комиссии.

И вот как это было — свидетельство из первых рук. “...Горбачёв, и глазом не издавший разработки, аналитику нашей Комиссии, позвонил с юга Николаю Рыжкову. И нисколько не вникая в его сообщение о завершении работы Комиссии, тоном, не терпящим возражений, заявил, что поручил готовить

окончательный проект рыночной реформы академику Аделу Аганбегяну. “Ваши наработки можете передать ему”.

Реалистическая совминовская программа оказалась не только произвольной перечёркнута верхоглядом Горбачёвым, но вдогонку бессовестно оболгана в “демократической” прессе. Было из-за чего негодовать, отчаиваться, опустить руки. Мол, плетью обуха не перешибить... И всё-таки дерзкий казачий норв Владимира Попова подвиг его на запретный, через головы высокого начальства, политический демарш. Он позвонил по вертушке заместителю Генерального секретаря ЦК Ивашко.

— Вы хоть отдаёте себе отчёт, любезный, что это совсем не ваш уровень?! — возмутился помощник шефа. — Владимиру Антоновичу даже Абалкин звонит крайне редко.

Против ожидания, Ивашко принял “наглеца” для “серьёзного разговора” на второй день полудни. Попов ему всё без утайки и поведал о двурушничестве Горбачёва. И про то, как легковесно и цинично он обошёлся с многолетним трудом Комиссии.

— Горбачёв мне ничего об этом не говорил, — удручённый, развёл руками задетый за живое Ивашко. — Вчера только был разговор с ним.

Заместитель Генерального секретаря, как прояснилось, толком и не знал сути программного документа Совмина. И тотчас через помощника его затребовал.

Попов, была не была, как на духу высказал второму лицу в партии, что никуда не годится, просто возмутительно, когда совминовский документ, который призван кардинально повлиять на судьбу перестройки, с порога отвергнут. И добросовестные разработчики его непременно будут ошельмованы “демократическими” изданиями. Непостижимо, что важнейший программный документ Совмина, вопреки десятилетиями отлаженной процедуре, даже не поступил на рассмотрение Секретариата ЦК и Политбюро.

— Уважаемый Александр Антонович, — в завершение решился высказать Попов, — дело приобретает вовсе скверный оборот. Если будет принят к исполнению авантюрный “радикальный” вариант долгожданной рыночной реформы, управление целыми отраслями народного хозяйства захватят авантюристы, мошенники, “теневики”. Последние уже легализовали свой бизнес в кооперативах. Грядёт потеря управляемости в народном хозяйстве, а следом — неминуемый хаос и разруха...

— Владимир Данилович, не стоит отчаиваться, партия этого не допустит, — твёрдо заверил заместитель генсека Ивашко. — Мы крайне озабочены происходящим в стране. Что конкретно вы предлагаете?

— Для начала — принять закон “О государственной службе”, по примеру ФРГ. Там самое совершенное в мире законодательство на этот счёт. Мы в Комиссии многое из него взяли. Внесли проект закона в Верховный Совет, но нас даже не пригласили в профильный комитет на обсуждение. И, сказать по правде, от нашего проекта закона остались рожки да ножки.

Под конец Ивашко сказал, что это был честный разговор коммуниста с коммунистом.

— Мне надо хорошенько всё обдумать, — с озабоченностью сказал на прощанье заместитель генсека. — А завтра у вас непременно состоится разговор с заведующим Социально-экономическим отделом ЦК Александром Владимировичем Власовым.

Ивашко поручил помощнику срочно связать его с Абалкиным. И всегда соединять с товарищем Поповым, когда тот будет звонить по вертушке...

В тот же вечер Попов, обнадёженный, позвонил главе Комиссии Петру Кацуре: “Надо срочно переговорить без свидетелей”.

Встреча с Александром Власовым состоялась вскоре. Обсудили тактику защиты и продвижения совминовской Программы. Власова глубоко возмутило безответственное скоропалительное решение Горбачёва. Оказывается, прознав о моей с Ивашко “самодеятельности”, Михаил Сергеевич впал в неопределяемый гнев. “И чуть ли не выставил всех нас “заговорщиками”, — с горькой усмешкой сказал Власов. — На самом-то деле ещё не известно, о чём они сговорились с Ельциным”.

В. Попов далее вспоминает: “Ещё несколько раз встречались для “конспиративных” разговоров с Власовым в сквере у памятника героям Плевны, прямо напротив дома ЦК. “Наши с вами инициативы, — поведал Власов, — вызвали у Горбачёва отповедь, полнейшее неприятие”.

Бесподобный Егор Тимурович

“...Самым большим моим открытием стало то, что основные решения принимались не в правительстве Черномырдина, а в заведении, которое называлось Институт экономики переходного периода, — вспоминает В. Попов. — Когда Верховный Совет прогнал из правительства Гайдара и присных, они переместились под сень этого тёмного “института”.

По иронии судьбы, именно В. Попову поручено было написать Положение о загадочном новом институте при Академии народного хозяйства.

Ничем себя не проявивший до самого пика перестройки скромный консультант журнала “Коммунист” Егор Гайдар не без робости переступал порог Комиссии Совмина СССР. В разговоре с куратором проекта с глазу на глаз шло тотчас и вылезло из мешка.

— ...Егор Тимурович, какому правительству вы собираетесь давать рекомендации — Советского Союза или того, что от него останется? — взял быка за рога Владимир Данилович.

— Ну, это же очевидно! Советский Союз изжил себя.

Егор Тимурович, не иначе, уже мнил себя в скором времени чуть ли не новым Сперанским. На расспросы “партократа” отвечал путано, сбивчиво, но с бесподобным апломбом.

— Скажите честно, в вашей команде есть хоть сколько-нибудь сведущие специалисты, имеющие не популистские, а реальные представления о планировании развития производительных сил страны? Действительных, а не воображаемых проблемах, противоречиях ввергнутой в кризис экономики?

Ещё один вопрос на засыпку!

— Все ваши специалисты — заложники прошлого социалистического опыта, — горячился Гайдар. — Мы отрицаем его ценность”.

Будущий и. о. главы правительства, протеже круглого невежды Бориса Ельцина, вспоминает Попов, живо напомнил ему горе-реформатора Феденьку Кротикова из “Помпадуров и помпадури” Щедрина. “Не сеять, не пахать, не жать, а только собирать в житницы”. Таковы были “либеральные” представления Феденьки о смыслах и хлопотах ведения хозяйства.

— ...Зачем мы собираемся финансировать наших противников, открыто работающих на разрушение страны? — негодуя, вопрошал В. Попов главу Комиссии.

Петр Кацура в ответ сказал, как отрезал:

— Пока я здесь, постановление Совмина (об институте переходного периода) не будет принято.

Увы, то была лишь временная отсрочка. Над Россией сгустились тучи безвременья, измены и лиха. “Теперь Орда идёт с Запада”, — записал Попов на полях служебной бумаги.

По ходу Смуты у Егорушки Гайдара завелись влиятельные покровители в Кремле и, бери выше, в Америке. Они-то и двигали пешку в ферзи.

Взлёт и падение Сибирского торгового банка

“...Тот, кто хочет управлять живущими в полях методами покойных правителей, похожи на ожидающих у пня зайцев”.

Вот как, оказывается, наставляли в “школе служивых” Поднебесной.

В самом деле, с огорчением думал про себя В. Попов, партноменклатура, отставшая от века, утратившая волю к власти, ни дать ни взять — “зайцы, ожидающие у пня”. Двухсоттысячные митинги на Манежной, под стенами Кремля, с кличем “Долой!” вызывали оторопь, метания насельников Старой площади. Позавчера ещё всесильная партноменклатура пятилась под натиском “улицы” и клеветами “демократических” витий.

“...Их было мало, с опытной душой, кто крепким в качке оставался”. На таких норовистых упрямец косились. В Ново-Огарёве Горбачёв рядился с Ельциным и удельными князьками, как “обустроить” будущую несуразную конфедерацию на обломках Союзного государства”.

Однако до поры до времени краплёные карты по обе стороны не засвечивали... Осенью 1990 года атмосфера в аппарате Совмина стала совсем гнетущей. После долгих мучительных размышлений, с тяжёлым сердцем, Владимир Данилович написал заявление об увольнении. Пётр Макарович Кацура не

стал отговаривать своего ближайшего верного помощника. А вот разговор с деликатнейшим Леонидом Ивановичем Абалкиным неожиданно вышел резким и нелюдским. Как если бы он, Попов, никогда не терявший присутствия духа, бросает Комиссию в самый пиковый момент.

“Ответил я довольно жёстко: “Знаете ли вы, Леонид Иванович, что иные эксперты нашей Комиссии немалую часть рабочего времени обретаются в ельцинском окружении? Сливают им наши теоретические разработки... Наша Комиссия сегодня – пустотелый сосуд... Почему вы не отстаивали нашу программу, когда Горбачёв топал ножкой на вас с Ивашко и Власовым? Чего вы боялись? Обвинений в нарушении партийной дисциплины или, быть может, в заговоре? А главный заговорщик, между тем, стоял напротив вас!”

... Пять лет спустя после бесславного роспуска Комиссии в очередную годовщину её создания собрались бывшие сослуживцы. Тогда же, в дружеском, ностальгическом настрое Леонид Иванович Абалкин признался: “... Вы, пожалуй, извините меня за тот резкий разговор. Я воспринял ваш уход как знак того, что дела наши совсем плохи... После вашего нашумевшего похода в ЦК вы стали для меня своего рода “барометром” всего того, что ещё грядёт”...

“В декабре 1990 года, не имея ни рубля за душой, ни навыков “делового человека”, ушёл в бизнес. Стихия “дикого” рынка покорила, но не сломила меня”, – говорит В. Попов про то, как пересёк свой Рубикон. На первых порах, с иронией вспоминает, не гнушался носить чемоданы за залётными молодцами из Европы и Америки. Они ловко изображали из себя потенциальных крупных инвесторов с якобы уже открытыми для России кредитными линиями в крупнейших западных банках.

По ходу дел в бизнесе, Попов дивился, сколько в Германии расплодилось пройдох и мошенников в делах посредничества. В Москве с “варяжскими гостями” подписывали десяток внушительных “протоколов” о намерениях, а в Мюнхене или Ганновере, по приезду, вдруг оказывается, что “инвесторов” и след простыл.

Первый блин – комом! Но со временем дела пошли на лад. Пригодились старые связи со времён дипломатической службы в Берлине. И тонкое знание особенностей немецкого менталитета и деловой этики. А ещё вырuchал природный дар строить доверительные дружеские отношения с людьми, с которыми налаживал деловые контакты. Даже с такими “зубрами”, как Отто фон Америкен, миллиардер, глава Восточного комитета бизнес-сообщества Федеративной Республики. Вместе с Америкеном Попов организовал в Германии череду представительных конференций по инвестициям в Россию. Участвовали представители крупнейших концернов ФРГ. С нашей стороны – губернаторы краёв и областей, для которых общение с западным деловым миром – совсем внове.

Удалось вовлечь в этот круговорот Председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова, который на пару с фон Америкеном выступил на конференции с докладом.

Деловые контакты с немецким бизнесом, властями земель ФРГ весьма пригодились на следующем этапе рыночной “одиссеи” Владимира Попова.

Не прошло и пары лет, как в Новосибирске и Москве открылись офисы Сибирского Торгового банка (СТБ). Это было детище В. Попова. Замыслом создания сильного банка он увлёк многих деловых людей – директоров заводов, финансистов, смысленных программистов Сибирского отделения Академии наук. Примечательно, что СТБ не принимал участия в приватизации. “Этого греха за нами не водилось”, – подчёркивает В. Попов. СТБ поднялся за счёт выверенной стратегии и новейших технологий на растущем рынке межбанковских кредитов”. Тогда многие банки работали ещё по старинке, а СТБ одним из первых в стране внедрил электронную систему расчётов и транзакций. Банк стремительно наращивал обороты. Цивилизованному подходу Сибирского торгового банка к партнёрству доверились “киты” сферы межбанковских кредитов, самой бойкой и доходной на финансовом рынке. СТБ открыл филиалы в Петербурге, Калининграде, Барнауле.

Мозгом и мотором экспансии СТБ, конечно же, был Владимир Данилович. Попов, руководивший крупнейшим филиалом СТБ в Москве, через который шла львиная доля оборота банка. Вскоре открылся филиал СТБ в Дюссельдорфе. СТБ уже входил в число тридцати крупнейших банков страны, а на межбанковском рынке конкурировал с Инкомбанком. В одном только московском филиале работало 345 человек.

Владимир Данилович беспрестанно курсировал между Новосибирском, Бонном, Берлином и Дюссельдорфом.

Увы, головокружительный успех СТБ вскружил головы акционерам и членам Правления, заседавшим на отдалении, за тридевять земель, в Новосибирске. “Они быстро позабыли, кто водил их за “ручку”, знакомил с руководством ЦБ по Москве, президентами крупнейших банков-партнёров, просто влиятельными людьми...”

Кредитная политика главной “конторы” банка в Новосибирске становилась всё более рискованной и двусмысленной. Так, Западно-Сибирскому металлургическому заводу, который был в долгах как в шелках, опрометчиво выдали многомиллиардный, заведомо невозвратный кредит. В такого толка сделках явно были замешаны окольные интересы ведущих акционеров СТБ.

“Меня не покидала тревога: настанет время, когда самое дело перерастёт учредителей банка. И они продолжат принимать губительные решения, которые, как пить дать, под конец приведут к крушению бизнеса. Так оно и вышло...”

Во время отпуска в Сочи взял за правило совершать трёхкилометровые заплывы вдоль побережья. Однажды на берегу его ждала депеша из Москвы: разразился острый межбанковский кризис... Срочно вылетел в Москву. Банк напоминал пчелиный рой. Из Новосибирска “умники” прислали срочное распоряжение прекратить выдачу кредитов и ограничить платежи клиентам – верное предвестие банкротства банка. “...Я незамедлительно отдал распоряжение персоналу обзвонить всех пенсионеров и ветеранов войны и вернуть им всем все сбережения до копейки. К этой акции мы готовились заранее. Поэтому тысячи вкладчиков скромного достатка получили свои вклады со счетов, не потеряв ни копейки...”

Если бы “законник”-конфуцианец очутился в холодной Сибири...

“...Я выехал налегке в Гонконг, – сообщал в письме некто Кан Ювэй, – и впервые узнал, что западные иностранцы управляют государством на основании законов и на них нельзя смотреть, как на варваров”.

Любопытно, что бы написал дружкам в Поднебесной “законник” Кан, если бы направил стопы не в Гонконг, который жил по законам британской короны, а далече на Север, в Красноярск, в “лихие” 90-е? И подивился затеянной варварами междоусобице, прозванной у них “парадом суверенитетов”, раздаче вотчин, земель и доходных промыслов указами нетрезвого президента в подмену законов. Помянул бы, наверное, правоту Лао-цзы: “Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников”.

В море разливанном “дикого” рынка буква закона имела значение больше условное. Суды, арбитражи, даже нотариусы поворачивали “дышло”, куда хотели.

Но самым вопиющим беззаконием являлось то, что олигархи манкировали уплатой налогов в казну. “Схемы” уклонения от миллиардных налоговых выплат были почти легальны. Компании-экспортёры пробавлялись и криминальным “возвратом НДС” – обложили данью и без того тощую госказну.

Фискалы охотились за заначками мелкой сошки. Номинанты “списка Форбса” оставались неприкасаемы. “Убогая душа частного интереса”, по Марксу, никогда не воспарит до согласия по доброй воле делиться толикой барышей с обществом.

После преднамеренного, из-за алчности “бенефициаров”, разорения Сибирского Торгового банка Владимиру Даниловичу поступило предложение привести в порядок финансы Росбизнесбанка. Но “зигзаг судьбы” вновь привёл его на госслужбу. Попов возглавил созданное в пожарном порядке в фискальном ведомстве Управление по принудительному взысканию налоговых платежей и сборов с крупных налогоплательщиков. Стал вскоре влиятельным членом Коллегии Министерства по налогам и сборам. И – грозой распоясавшихся олигархов и их услужливых подручных, потатчиков на верхних этажах бюрократической иерархии.

“...Весь бюджет страны – 20 миллиардов долларов! – громко сокрушался в разговоре с Поповым новый глава налогового ведомства Виталий Артюхов. – И скоро мне начнут намыливать холку!”

Попов шёл на немалый риск, взяв на себя ответственность выколачивать баснословные суммы недоимок с Ходорковского и других неприкасаемых. “Иду на вы!” — словно говорил он, как князь Святослав, посылающий весточку половцам.

Попов оговорил “на берегу” жёсткие условия: полную свободу рук, полномочия по своему выбору, без рутинных “согласований и протекций, отбирать дельных, толковых управленцев старой закваски... Не робкого десятка, не падких на мзду... “Засланным казачкам” от акционерной компании “Сукин и сын” — от ворот поворот...

Артюхов с готовностью согласился. Таскать каштаны из огня других охотников днём с огнём не сыщешь. А казна государства отчаянно нуждалась в деньгах — федеральный бюджет был позорно сопоставим с финансами захудалого штата США.

Бизнес АвтоВАЗа прослыл одним из “баловней” правительства. По долгам бюджету не платил под предлогом громадных убытков. В довершение ко всему, накануне специальным постановлением правительства погашение многомиллиардной задолженности Волжского автозавода “заморозили” на неопределённый срок. Об этом позаботился вице-премьер правительства.

“Когда тщательно разобрался с финансовой схемой увода денег АвтоВАЗа, в том числе в офшоры, принял решение придать их широкой огласке”, — вспоминает Владимир Данилович. В здании бывшего СЭВа состоялась пресс-конференция для телевидения и ведущих газет. По итогам проведённого расследования, Владимир Попов наглядно показал, каким макаром компании-неплательщики плутуют. Попросту обируют государственную казну... И как скрытно пособничают самым злостным неплательщикам высокопоставленные персоны в правительстве... Скандал разразился неопишувемый! На следующий день в отчёте с пресс-конференции одна из тиражных газет вышла со слоганом на первой полосе: “Каждому крупному должнику в бюджет — по вице-премьеру!”

Постановление правительства по АвтоВАЗу отменили, но схватка продолжалась...

Чёрная метка от “бенефициаров”?

... По итогу, созданная Владимиром Поповым по всей стране вертикаль особых подразделений федерального налогового ведомства обеспечивала две трети всех налоговых поступлений в бюджет.

... Бывший сослуживец по работе в Комиссии Совмина в разговоре с глазу на глаз не сразу решился признаться, зачем вдруг пожаловал к нему на Неглинную:

— Володя, вчера оказался случайным свидетелем разговора, когда ненароком обсуждали вопрос, как тебя... устранить физически. Ты слишком рискованно работаешь. Побереги себя...

“Чёрная метка” ли то была, либо старый товарищ искренне, душой переживал за меня? — задумчиво обмолвился Владимир Данилович, вспоминая, скольким магнатам насолил, принудив раскошелиться для казны.

“... Немало поколесив в командировках по стране, убедился, что на местах немало порядочных людей — и в бизнесе, и во власти, но заправляли сверху донизу временщики и отъявленные прохвосты”, — вспоминает Попов.

... Как в кинокартине “Свадьба в Малиновке”, “власть снова переменялась”. Во главе ведомства Александра Починка сменил Борис Фёдоров. Тот самый, из первой волны “младореформаторов”. Былой его крайний “либерализм” остался в прошлом. Прагматик по натуре, Фёдоров отнёсся к назначению главой фискального ведомства как к новому шансу в карьере.

— Владимир Данилович! Мои товарищи настоятельно советовали мне найти с вами общий язык, а главное, не мешать вам работать, — в самом начале разговора выложил карты Фёдоров. — Что, признаться, я и собираюсь делать. Важно на первых порах не допустить опрометчивых шагов. Что посоветуете?

Попов, по своему обыкновению, зашёл с припасённой впрок “kozyрной” карты: “Предлагаю выйти в правительство с хорошо обоснованным предложением учредить своего рода налоговую ВЧК, а затем провести в столице и регионах ряд представительных совещаний. Чтобы с пристрастием, без потачек, рассмотреть полноту уплаты налогов крупными компаниями и корпорациями бизнеса.

— Хорошо. Я подумаю над вашим предложением, — отозвался новый глава ведомства.

Чрезвычайную комиссию образовали вскоре, в неё вошли первые лица силовых структур. Управление подготовило аналитические записки. “По поручению Фёдорова выступил с основным докладом, — рассказывает Попов. — В открытую уличил попытки потатчиков олигархов затушёвывать картину налоговых злоупотреблений”.

Через раз на заседания Комиссии приходил Владимир Путин. Внимательно слушал, вопросов не задавал...

Запад положил глаз на Газпром...

...События второй половины 1990 года, грозные предвестия дефолта — банкротства государства — нарастали стремительно. Резко упал хозяйственный оборот. Объём грузовых перевозок на железных дорогах убывал с каждой неделей — верная примета надвигающегося коллапса хозяйства. По стране прокатилась волна банкротств и неплатежей. Накалилась атмосфера в обществе. Заводские рабочие, учителя, врачи бастовали, требуя погашения долгов по зарплате. Отчаявшиеся шахтёры начали “рельсовую войну”, перекрыв движение по Транссибу.

Ельцин и его поделщики впали в ступор. Спасительных идей смены экономического курса не было и в помине. А свернуть с набитой колеи “Вашингтонского консенсуса” не велят закадычный “друг Билл” да сычи-кредиторы МВФ. Вся горячая надежда — вымолить у Запада “стабилизационный” кредит аж в 10–15 миллиардов долларов. “Толкачом” назначили Анатолия Чубайса в ранге специального представителя правительства на переговорах с неуступчивой западной стороной. Вхожий в кулуары Вашингтона Главный Ваучер должен был бить челом перед заправилами Фининтрена. Однако и ушлый Чубайс возвратился несолоно хлебавши...

“От источника в Белом доме мы в Госналогслужбе получили конфиденциальную информацию о содержании письма из МВФ правительству, — рассказывает В. Попов. — Чёрным по белому там прописаны жёсткие, считай, грабительские условия предоставления срочного кредита в зное количество миллиардов долларов. По сути — наглый ультиматум. Один из шести его пунктов — наиболее сокрушительный. А именно: требование раздробить, как полено топором, “Газпром” надвое — добывающую и транспортную компании. Ослиные уши западных конкурентов торчали наружу. Проглядывало типичная двухходовка: сначала раздробление Газпрома на части, на следующем витке — приватизация его активов с участием западных ТНК”.

Капитализация Газпрома на карликовом российском фондовом рынке не составляла и тридцатой доли стоимости его достояния — не по спекулятивным биржевым котировкам, а вещественной, реальной, сопоставимой. Немногие крупнейшие энергетические корпорации Запада могли сравниться с Газпромом по богатству. Вообразите: 69 газовых промыслов, многие десятки триллионов кубометров запасов природного газа 146 тысяч километров магистральных трубопроводов, 278 тысяч километров промысловых и сбытовых сетей, 21 гигантское хранилище газа...

Газпром и в советское время являлся коренником отечественной экономики. В кромешные, погибельные 90-е годы вся экономика России не рухнула лишь благодаря твердыне Газпрома. До самого дефолта 1998 года Газпром кредитовал большинство своих потребителей — промышленность, энергетику, коммунальное хозяйство, оборонный комплекс, село... И всё это, по большей части, с отсрочкой платежей, в долг, по бартеру или вовсе задарма. Все кругом были в неоплатных долгах Газпрому. Но и он, волей-неволей, задолжал миллиардные недоимки налоговых выплат. “Не могли же мы, мытари, брать в зачёт долгов газового монополиста векселя его должников вместо “живых денег”, — подмечает В. Попов.

Запад уже давно положил глаз на Газпром. Прозападное лобби в правительстве не единожды заводило волюнку о крайней необходимости “демонополизации” Газпрома. Идея вздорная: Газпром — классическая естественная монополия. Раздробить на куски единую целостную техноструктуру — нелепость, дилетантские наскоки. Но “дикому капитализму”, воскресшим из небытия

Разуваемым и Колупаевым, нет дела до технократических тонкостей, интересов государства-сироты.

И вот наконец-то и благословенный Запад подгадал момент, чтобы подобраться к Газпрому, а его “контрагенты” в Белокаменной очертя голову готовы были отдать национальное достояние в залог “спасительного” займа от МВФ. Затевавшая в тайне от российского общества Большая игра с крупными ставками игроков по обе стороны на самом пике острого экономического кризиса.

“Такая мне выпала судьба, — признаётся Владимир Попов, — что под венец моей “государевой службы” оказался в самом эпицентре интриги, от драматического исхода которой зависела судьба Газпрома и, без преувеличения, российской экономики. Утрата контроля государства над Газпромом грозила обрушить остатки того, что ещё не так давно называлось народным хозяйством сверхдержавы”.

Некто Фридман из “Нью-Йорк таймс” измыслил чудной, завиральный Первый Закон петрополитики. Согласно ему, когда месторождения углеводородов и обильная рента от экспорта остаются в руках аборигенов, местных элит, которые пронесут барыш мимо западных ТНК, это непременно оборачивается прискорбным укоренением авторитарных “тиранических” режимов. Фридман лёгок на помине! Его фальшивый “закон петрополитики” стоит за попыткой янки свергнуть законную власть в Венесуэле. Когда чужая нефть и природная рента оказываются поживой западных ТНК, восходит якобы заря демократии. Эти незатейливые “либеральные” побасёнки приняли, не без лукавства, на веру наши “реформаторы” и стряпчие от западных ТНК. Перед дефолтом 1998 года “либерализм” в Белокаменной зашкаливал.

... Вслед за меморандумом МВФ события развивались стремительно. Игра шла “втёмную”, прямо-таки по детективной, туго закрученной фабуле...

Второго июля глава Газпрома Рем Вяхирев вёл переговоры в Вене с австрийскими банками о крупном кредите, который должен был пойти в погашение налоговой задолженности перед федеральным бюджетом. И вдруг из Москвы приходит шокирующее известие об... аресте имущества Газпрома и предстоящей незамедлительной замене его руководства. “Ложка к обеду” — чтобы сорвать переговоры.

Премьер-министр Сергей Кириенко поручил своему заместителю Борису Немцову срочно расторгнуть трастовый договор с Рэмом Вяхиревым на управление госпакетом акций Газпрома. А ведь не кто иной, как Кириенко на посту министра топлива и энергетики подписал вышеназванное поручительство Вяхиреву. И пяти дней не прошло, как собрание акционеров Газпрома подтвердило полномочия Вяхирева на ближайшие пять лет. И вот такой “сюркуп”, который как раз пришёлся на день, когда в Вене торжественно вручали Вяхиреву орден по случаю круглой даты — 30-летия поставок сибирского газа в Австрию.

“Сергей Кириенко и те, кто за ним стояли, ловко обставили дело так, что мы, Госналогслужба, и должны были творить неправоё дело, — повествует В. Попов. — Чтоб чужими руками жар загребать...” Министр Фёдоров получил письменное указание премьера Кириенко о незамедлительном взыскании всей задолженности Газпрома перед бюджетом.

“... Я не могу игнорировать указание премьер-министра, — развёл руками Фёдоров. — Что делать-то будем, Владимир Данилович?...”

Как мытарь парировал заговор против Газпрома

“... Уверен, премьер не самостоятелен, — сказал я министру. — Выглядит марионеткой в этом театре абсурда. Кто-то в Кремле ведёт свою игру и дёргает за ниточки. Кириенко, в свой черёд, подставил Бориса Немцова, а тому только дай помахать саблей. В создавшееся скверной ситуации нам следует действовать с умом, осторожно, на упреждение”.

У Попова созрел замысел скрытной контригры с целью сорвать заговор против Газпрома.

В тот же день с нарочным отправили письмо за подписью министра Фёдорова директору Федеральной налоговой полиции Алмазову с рекомендацией блокировать рублёвые и валютные счета всех непрофильных предприятий и организаций в структуре газовой монополии с перспективой обратить взыскания на “излишнее” имущество Газпрома в счёт его налоговых недоимок.

А там было много чего: загородные резиденции, дома приёмов, авиалайнеры, дачи, яхты, оздоровительные комплексы. Этого добра у газовиков накопилось выше крыши. “Это и был наш ход конём – обходной маневр, – рассказывает В. Попов. – Кропотливый учёт всего несметного непрофильного имущества Газпрома, процедура блокировка счетов займёт много времени и хлопот. И даст нам драгоценный шанс выиграть время”.

Прагматик Фёдоров включился в контригру.

Срочный звонок по вертушке Вяхиреву. Договорились о встрече для доверительного разговора с глазу на глаз. Когда свиделись, Попов твёрдо заверил Рэма Ивановича, что Госналоговая служба вступится за Газпром: “Это ведь наш общий долг – во что бы то ни стало отвести угрозу экономической безопасности страны”.

“– Вы же видите, Рэм Иванович, – сказал я. – Против вас затеяна оголтелая кампания дискредитации. Ельцинская “Семья” ищет козлов отпущения, на которых можно свалить вину за катастрофическое положение дел в экономике. Концы интриги тянутся на Запад. Это мутная подоплёка с займом МВФ... Кредиторы действуют заодно со “своими людьми” в правящей группировке там, на Краснопресненской.

Вяхирев с пониманием и доверием отнёсся к тому, что мы, налоговики, подставим плечо Газпрому в час судьбы. Посоветовал иметь дело с первым замом Вячеславом Васильевичем Шереметом.

В те незабываемые горячие деньки противостояния, – вспоминает Попов, – очень много зависело от убедительных итогов расследования нашей бригадой специалистов-финансистов, которые должны были провести тщательный аудит в недрах Газпрома.

С Шереметом мы легко нашли общий язык – разговор прямой, без недомолвок: “...В том, что сейчас на вас обрушилось, – высказал я упрёк, – есть и немалая вина самого Газпрома. Дорогущие “непрофильные” активы Газпрома – настоящая притча во языцех в деловом сообществе. Но сейчас не об этом... Надо перехватить инициативу у наших недругов. Чтобы убедительно опровергнуть нападки премьера, нам нужно иметь сейчас на руках полный, исчерпывающий реестр задолженности потребителей Газпрому и много чего ещё такого, что составляет коммерческую тайну”...

Шеремет на лету схватывал суть и со всем соглашался без колебаний.

“...И ещё: непременно и срочно через своих людей инициируйте протесты депутатских фракций в Госдуме. Надо всколыхнуть общественное мнение. А Рэму Ивановичу надо обязательно пробыть на приёме к Ельцину...”

Десант на улице Намёткина

На следующий день утром в цитадели Газпрома на улице Намёткина высадили “десант” проверяющих Госналогслужбы. Формально они выполняли предписание правительства. И работа закипела...

“Однако час от часу не легче, – раздался звонок от Фёдорова.

В предчувствии новых плохих вестей, я отправился с Намёткина к нам, на Неглинную. Застал Фёдорова встревоженным:

– Кириенко обязал меня проверить платёжный баланс Газпрома, структуру его исполнения. Придётся вам взять это на себя.

...Очередной разговор с Шереметом длился несколько часов. Напряжение не спало с его лица, мы все чувствовали, как туго натянулась нить интриги. Давление на Газпром всё нарастало. Усердствовали в “обличениях” и “либеральные” медиа... Казалось, сила солому ломит. Противная сторона насаждает во всеоружии... Но не могли же мы опустить руки! По известной поговорке: “не столько сражались, сколько были сражаемы”...

Фёдорову предстоял тягостный разговор с вице-премьером Немцовым, который затребовал отчёт о наших, Госналогслужбы, действиях. За разговором с министром я напрямую предложил с моим участием “сломать” Немцова. Предъявить ему всю неопровержимую фактуру и выводы нашего сплошного аудита финансов Газпрома, начисто опровергающие огульные обвинения тех, кто проворачивает комбинацию с займом МВФ. Быть может, сметливый Немцов умерит прыть и сочтёт за благо выйти из игры?

...Видно было, что Немцов просто сгорает от нетерпения:

– Ну, рассказывайте, что вы там накопили!..

И по мере того, что мы с Фёдоровым ему втолковывали, раскрывали карты, Немцов всё больше задумывался, мрачнел. Весь замысел интриги против, казалось бы, неотвратимо попавшего под раздачу ушлых “приватизаторов” Газпрома рушился у него на глазах. В спокойном тоне, без нажима, я всё разложил по полочкам:

— Рассуди здраво, Борис. Ведь почти шестьдесят процентов долгов потребителей перед Газпромом приходится на бюджетные организации и энергетические компании, входящие в РАО ЕЭС. Но правительство обрушилось с нападками на Вяхирева и делает вид, что Чубайс здесь вовсе ни при чём. А у того огромные долги не только перед газовиками, но и перед бюджетом. Да если бы Газпром не стал входить в положение должников — воинских частей, коммунальных служб, больниц и школ — и предпринял законом предусмотренные суровые меры, уже завтра в России наступил бы “ледниковый период”. И нынешняя власть оказалась бы сметена с ещё большим ожесточением, чем советская. Во-вторых, разве тебе невдомёк, что правительство зашло слишком далеко? Регионы против вас. Госдума с ними заодно. Депутаты полны решимости не допустить расчленения Газпрома в угоду МВФ. В этой изменившейся ситуации Ельцин от вас отвернётся. И, чтобы всех умиротворить, за просто отправит в отставку Кириенко и тебя. Возьмёт сторону Вяхирева.

Немцов с изумлением, нескрываемой тревогой слушал сокрушительные доводы едва знакомого ему налогового Попова про то, как будут развиваться события на самом деле... Вся выстроенная фабула кампании сокрушения Газпрома вдруг оказалась шаткой. И промелькнула нехорошая догадка, что теперь он ненароком может стать козлом отпущения...

— Борис, ты вникай, вникай, пока не поздно, — мягко увещевал Фёдоров. — Я готов вместе с тобой пойти к Кириенко и выложить ему всё, что только что откровенно высказал Владимир Данилович. Лучше уж мне и самому подать в отставку, если на то пошло...

Ещё час-другой убеждали, уламывали поникшего, опечаленного Немцова. Под конец разговора вице-премьер, всё про себя взвесив, согласился. В тот же день ничего не подозревавший Кириенко встретился с Немцовым и Фёдоровым. Разговор поначалу пошёл на повышенных тонах, бурный... Премьер был вне себя от возмущения, поверить не мог, что всё насмарку... И что у Газпрома нашлись заступники, которые его обыграли. Замечательный план раздробления газовой монополии к выгоде внешних игроков повис в воздухе.

В итоге прагматичный Кириенко не стал лезть на рожон. Контригра, затеянная Фёдоровым, Поповым и его командой, удалась на славу...

Через некоторое время произошла встреча Вяхирева с Ельциным. Она и поставила точку в интриге вокруг Газпрома. Сорвался заговор с умыслом пожертвовать коренником российской экономики ради спасительного “щедрого” займа Международного валютного фонда.

...А вскоре в августе 1998-го разразился дефолт, отставка Кириенко и уход из чертогов власти Бориса Немцова.

Управленческий триллер

“В большинстве иерархий сверхкомпетентность принимается за большее зло, нежели некомпетентность”. Так гласит один из знаменитых “Принципов Питера”. Положа руку на сердце, так оно и есть на самом деле. Не хватать звезду с неба — золотое правило успешной карьеры чиновника. Своего рода круговая порука посредственностей.

“Принцип Питера” — явным образом в строку с перипетиями жизненного пути управленца высокого полёта Владимира Попова. Всегда и везде — на дипломатической службе в Берлине, в Комиссии Совмина, в “чрезвычайке” Госналогслужбы он, с его острым умом, казацкой отвагой, неуёмностью, честолюбием, не вмещался в аппаратные рамки своей “компетенции” и ранга в иерархии.

Даровитый управленец, Владимир Попов, насквозь советский по мировоззрению, по большому счёту оказался не ко двору. Кому, ельцинастам? Нет, поздней, утратившей созидательный пафос, косной партноменклатуре. Она не помышляла о притоке свежей крови в святая святых власти. Выставлен был

незримый глухой заслон обновлению Системы. И уж подавно не востребовавшее поколение управленцев советской складки чуждо коррумпированной, запродавшейся Западу новой бюрократии при самовластье Ельцина и его непредсказуемой дикарской нелепой кадровой политике. В самые верхи власти набилась случайные люди, все эти “прапорщики Крыленко”, вознесшиеся на самый верх власти в годы переворота 1991–1993 годов. По стопам их на “ловлю счастья и чинов” ринулись все новые проворные растиньяки, смышлёные, нос по ветру, и бестолочи без разбора.

“...Пройду стороною, как проходит косой дождь”. Он, Владимир Попов, яркий представитель последнего поколения советских управленцев, не потерялся, не склонил головы. И как мог противостоял “Ордену столоначальников”, пришедшему на воеводство после смены караула в Кремле.

“Орден столоначальников” – кто такие? В книге памфлетов “Углеродородный Третий Рим?” (2005) Владимир Попов по-своему толкует подоплёку и издержки метаморфозы российской власти, неизбежные после десятилетия ельцинского “разгосударствления” и морака.

“Орден столоначальников – порождение не столбовой государственной ветви власти, а муниципальной. При Собчаке причастные к ней занимали должности в мэрии, а до этого – в районном звене. Во власть пришли иной раз прямо с митинга на Дворцовой. А вот теперь в меру сил вершат государственными делами в Кремле, Охотном ряду и Белом доме. Почти никто из них не был в прошлом топ-менеджером крупной корпорации, не руководил такими махинами, как Кировский завод или “Электросила”. У них образ мышления муниципальных служащих. Если человек стремглав выбился в большие начальники из клерков, печать тому неизгладима”.

“Это сущий Орден столоначальников, замкнутый только на себя, – зорко разглядел В. Попов. – И все вместе они живое воплощение закона Паркинсона: “Всякая бюрократическая система устроена так, что каждый в ней обретающийся стремится достичь предела своей некомпетентности”. “Питерские”, дескать, этот предел перемахнули, даже ничего не заподозрив. Вот они и решили по своему разумению привести дела в государстве в порядок. Как если бы вся Росси была Васильевским островом. Знатоки циркуляров, искусники “прохождения” бумаг, они не смыслят ни в промышленном, ни в финансовом менеджменте, вообще живого дела не знают и знать не хотят. И чем уже кругозор прибывшего к “Ордену столоначальников”, тем рискованнее он в нововведениях и притязаниях. Ему всё кажется простым. И некому, увы, дать острастку “административному восторгу”, даже когда дело валится из рук.

Да ведь и впрямь сказанное – картинка с природы всего того, что вытворяют в реформаторском раже грефы, кудрины и вся несменяемая компания “питерских” во власти. Лет пятнадцать с гаком минуло после публикации в “Советской России” памфлета “Орден столоначальников”. И нельзя не оценить прозорливости автора: “...Скоро мы убедимся в том, что убаюканные благоприятной нефтяной конъюнктурой цен на рынках и мнимым затишьем в обществе, “реформаторы” – выходцы из Смольного – разбудили лихо”. Они, мол, пребывают в счастливом неведении, какие грозные центробежные силы выпустят на волю, дай только разгуляться запущенным эдаким волчком пагубным скоропалительным новациям. Сегодня мы все видим кружение этого “волчка”: безумная пенсионная реформа, перекладывание налогового “тягла” на неимущих, плавающий “курс” рубля с двукратным падением и проч. А Дума и Совет Федерации безмолвствуют, давно превратились в подобие департаментов Старой площади...

И вот что бросается в глаза любому грамотному управленцу, подводит В. Попов черту нелюбезным размышлением о строгих артикулах “Ордена столоначальников”: “Вместо раскидистого живого древа советской государственности в лучшие годы СССР, которое с усердием глупца корчевал барвихинский лиходей, воздвигается строгих форм пирамида единовластия. Вера в “магическую” силу чиновничества в умах “питерских” непоколебима. Полёту “административной фантазии” уже тесно в рамках Конституции, в которой намечены купюры. Как говаривал классик отечественной словесности: “Результатом такого положения вещей является, конечно, не торжество государства, а торжество ловких людей”.

“Сослали из Сибири в Сибирь...”

“...Одна половинка моей души – казацкая, вторая – сибирская, крестьянская”, – признаётся Владимир Попов в первой главе книги “И вся непрожитая жизнь”.

Дед по матери вернулся с германской на боевом коне, а через два месяца покинул дом, уйдя со станичниками воевать на стороне большевиков. Род Поповых раскололся: одни – за белых, другие, с оружием, на стороне красных. И что особенно трагично, с болью пишет В. Попов, в этой кровавой усобице жалости друг к другу не знали.

Следом нагрянуло “расказачивание”, когда выжигали целые станицы. Не миновало лихо и хутор Попова под Вешенской.

В казачьем роду Поповых выжило всего несколько семей. “В 1919 году старший в роду Захар Иванович собрал глав семей и сказал, что, пока живы, надо уходить с Дона прочь. Брать с собой детей, раненых казаков, собрать пожитки и податься на край света, в Сибирь. Там, дескать, места хватит всем и легко затеряться в тайге...”

Так Поповы и стали “иногородними”. Беглецы прижились в деревне Елбань Новосибирской области.

Путь на перекладных был долгим и мучительным и занял три месяца... Село, где нашли приют Поповы, затерялось в таёжной глуши между Новосибирском и Барнаулом. Со временем обжились, срубили избы, благо лес рядом, а земли – вдоволь. Только жизнь наладилась, как грянула коллективизация. Дед, в гражданскую воевавший за красных, не захотел ни в какую вступать в колхоз. Подался работать на шахту в Кузбасс. Его родной брат, в прошлом белоказак, – неисповедимы пути Господни! – стал уполномоченным по проведению коллективизации в Елбани и окрестных деревнях. Как рассказывала мама, под дулом револьвера заставил моего деда Захара передать построенную им мельницу в колхоз. Не в меру ретивого родича осудили за “перегибы”. И бедолага бесследно исчез в жестокой круговерти 30-х годов.

История эта имела трагическую развязку. Сыновья одного из раскулаченных бежали из спецпоселения. Гонимые чувством мести, выследили единокровного брата своего обидчика. Поутру тот вышел кормить скотину и получил удар в грудь австрийским штыком. “Так покинул свет лихой казак Сергей Попов в далёкой сибирской стороне”, – излагает семейное предание автор.

“...В войну моя мама, Екатерина Сергеевна, руководила одновременно сельсоветом и сельпо. Однажды здешние ссыльные эстонцы, не получив положенного им очередного казённого пайка, взбунтовались. Екатерина Сергеевна запрягла лошадку и на санях отправилась за тридцать вёрст в райцентр разбираться насчёт невесть куда пропавших пайков. Дошла до первого секретаря райкома, прокурора... Домой вернулась заполночь. А на следующий день с рассветом на порог явились трое милиционеров и, ничего не объясняя, велели собраться и увезли в Маслянино. И, точь-в-точь по Высоцкому, под стражей этапом сослали “из Сибири в Сибирь”. Дело сплошь тёмное, поводом послужила клеветническая анонимка, а на самом деле это была расправа районного начальства. Неправый суд приговорил к десяти годам лагерей. Домой вернулась летом 1947 года”.

“Бомба западнизма” и “папенькины сынки”

По ту сторону от Владимира Попова, его родни, всех работающих людей “захолустья”, обитателей русской глубинки – чуждые отпрыски номенклатурных семей, которые ради красивой жизни фарцевали, отираясь у “Интуриста”, бойко спекулировали театральными билетами и подвизались на побегушках у “теневиков”-воротил.

Сынкам больших начальников, по окончанию МГИМО, светила заграница со всеми её соблазнами. И “презенты” от фирмачей во внешторговских представительствах. Ближе к пришествию “перестройки”, под лавочку конвергенции двух враждующих социальных систем, избранным выпали стажировки в Венском институте системного анализа – питомнике будущих “агентов влияния”: авены, нечаевы и прочие младореформаторские порождения высшей партноменклатуры. Сановники, давно сменившие кители военного покроя на

цивильное платье, их домочадцы и приживалы выделились в замкнутое, обособившееся от простого люда сословие.

“Проклятая каста!” – как в сердцах прозвал эту людскую породу Иосиф Виссарионович.

“Папенькины сынки”, некрасовские гордые “князей Утятиных холопы”, молились на Запад. И в Смуту вовремя перебежали к Ельцину, кумиру столичного бомонда, который и сам-то был куклой, которую дергали за ниточки из Спасо-хауса.

Бывшие фарцовщики и мелкие выжиги в чаду “шоковой” терапии”, ваучерной круговерти “департамента хищений и раздач” – Госкомимущества – в прах разбили мощную экономику СССР и проворно раздали-растащили “активы”. Увы, личности, которых автор этого очерка относит к не востребовавшему поколению советских просвещённых управленцев партократией отторгались, прямо-таки как “буржуазные” специалисты при военном коммунизме. Основатель НОТа – научной организации труда в РСФСР – Гастев негодовал: портного “пролетарского” происхождения поставили рулить металлургическим заводом! Другие времена на дворе... И сколько же таких “портных” ныне на высоких постах! Куда ни кинь, вплоть до “Роскосмоса”.

Насельники Старой площади с овечьей покорностью разбрелись восвояси, когда Ельцин, понукая Горбачёва, распустил КПСС. “Бомба западнизма”, взорвавшаяся в России, утверждал философ Александр Зиновьев, “произвела неслыханные опустошения не только в сфере государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в человеческом материале”. Да, наибольшая невосполнимая утрата – человеческий капитал, который мусорным ветром “либеральных” реформ сквозняков унесло за кордон до самой Кремниевой долины. Падение качества управленческой элиты оказалось невосполнимым. “Орден столоначальников” – меткая метафора Владимира Попова раскрывает всю глубину вырождения элиты, падение качества управления сверху донизу.

Два антипода, два мировоззрения, представители которых никогда не пойдут на мировую, – Егор Гайдар и Владимир Попов – по символическому стечению обстоятельств схватились в Комиссии Совмина по экономической реформе. Каждый пошёл своей дорогой.